

**ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ  
ЛИНГВИСТИКА/THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS**

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.70.3>

**РЕЧЕВЫЕ ПОРТРЕТЫ ПЕРСОНАЖЕЙ В ЛИРИЧЕСКОЙ ЭПОПЕЕ И.С. ШМЕЛЕВА «СОЛНЦЕ  
МЕРТВЫХ»: ОРИГИНАЛ И ПЕРЕВОД НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК**

Научная статья

**Ашурбекова Т.И.<sup>1,\*</sup>, Ахмедова Л.А.<sup>2</sup>**

<sup>1</sup>ORCID : 0000-0001-8965-8877;

<sup>1,2</sup> Дагестанский государственный университет, Махачкала, Российская Федерация

\* Корреспондирующий автор (tiashu[at]mail.ru)

**Аннотация**

В статье рассматривается вопрос полноты и точности воссоздания речевых портретов двух женских персонажей лирической эпопеи И.С. Шмелева «Солнце мертвых» в переводе на английский язык. Обнаружены как удачные, так и спорные переводческие решения. Последние вскрыты на фонетическом, лексическом, синтаксическом и стилистическом уровнях. Отмечаются также неоправданные опущения и искажения содержания речи персонажей. В результате речевые портреты персонажей в оригинале и переводе не являются идентичными. Речевой портрет няни облагорожен и лишен просторечного колорита, а речевой портрет старой барыни не в полной мере отражает ее происхождение, характер, отношение к людям и трудным жизненным обстоятельствам.

**Ключевые слова:** И.С. Шмелёв, лирическая эпопея «Солнце мертвых», речевой портрет, художественный текст, перевод.

**SPEECH PORTRAITS OF CHARACTERS IN I.S. SHMELYOV'S LYRICAL EPIC "THE SUN OF THE DEAD":  
ORIGINAL AND ENGLISH TRANSLATION**

Research article

**Ashurbekova T.I.<sup>1,\*</sup>, Ahmedova L.A.<sup>2</sup>**

<sup>1</sup>ORCID : 0000-0001-8965-8877;

<sup>1,2</sup> Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation

\* Corresponding author (tiashu[at]mail.ru)

**Abstract**

The article examines the completeness and accuracy of the speech portraits of two female characters in I.S. Shmelyov's lyrical epic "The Sun of the Dead" in its English translation. Both successful and controversial translation decisions were identified. The latter are identified at the phonetic, lexical, syntactic and stylistic levels. Unjustified omissions and distortions of the characters' speech content are also noted. As a result, the speech portraits of the characters in the original and in translation are not identical. The speech portrait of the nanny is refined and devoid of colloquial colour, while the speech portrait of the old mistress does not fully reflect her origin, character, attitude towards people and difficult life circumstances.

**Keywords:** I.S. Shmelyov, lyrical epic "The Sun of the Dead", speech portrait, fiction, translation.

**Введение**

Художественная ценность и воздействующий эффект литературного произведения во многом определяются яркостью, художественной достоверностью и убедительностью речевых портретов (РП) его персонажей. Само понятие «речевой портрет» не имеет в настоящее время общепринятого определения. О его сложности свидетельствует наличие ряда схожих терминов — лингвокультурный типаж, языковой портрет, коммуникативный портрет, речевое поведение, речевая характеристика и др. [2, С. 9-17]. В настоящем исследовании за основу взято определение речевого портрета как социально маркированных способов выбора и употребления языковых средств и особенностей речевого поведения [7, С. 218]. По мнению Ю.Н. Караулова, рассматривающего речевое портретирование в контексте теории языковой личности, речевой портрет формируется под влиянием социализации и культурного контекста и отражает принадлежность человека к определённым сообществам [5, С. 236].

Исследователи, занимающиеся вопросами речевого портретирования, отмечают, что уникальность речевого поведения реализуется через устойчивые языковые модели, которые включают лексические предпочтения, грамматические конструкции и фонетические особенности [9, С. 234-238]. Роль последних в речевом портрете носителей современного русского языка убедительно демонстрируют М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова. Они приходят к выводу о том, что на фонетическом уровне речевые пристрастия личности обнаруживаются в предпочтении того или иного орфоэпического варианта, в характере фонетического эллипсиса, в выборе приемов акцентного выделения [6, С.5].

Исследователи роли лексики в речевом портретировании отмечают, в частности, что одним из наиболее ярких средств создания РП в художественном произведении является стилистически маркированная лексика, позволяющая «создать запоминающийся образ персонажа, дать его многоаспектную характеристику, включающую уровень образования, социальную принадлежность, уровень культурного развития, индивидуальные особенности характера» [10]. М.А.К. Халлидей указывает на значимость идиоматических выражений, которые передают уникальные

коннотации и эмоциональные оттенки, являющиеся маркерами личностных и этнокультурных характеристик [17, С. 56].

На значимость синтаксических средств, в создании образа персонажа художественного произведения указывает И.В. Арнольд. К таким средствам она относит синтаксическую синонимию, необычное размещение элементов (инверсию), транспозицию синтаксических структур, различные виды повторов, пропуск логически необходимых элементов, нарушение замкнутости предложения и др. [1, С. 161].

Исследователи, обращающиеся к проблематике воссоздания РП в переводах художественных произведений, неизменно отмечают как удачные, так и спорные переводческие решения на том или ином уровне лингвистического описания и их последствия с точки зрения воздействия на читателя [2], [8], [14, С. 300-311].

Обращение к проблематике воссоздания РП в переводе в настоящей работе обусловлено значимостью понимания того, какой образ русского человека и России складывался на Западе в послереволюционное время, и что этому способствовало. Цель работы заключается в установлении степени полноты и достоверности воссоздания РП персонажей художественного текста при переводе.

### Методы и принципы исследования

В исследовании, часть результатов которого отражена в настоящей статье, сравниваются РП персонажей в оригинале и переводе лирической эпопеи И.С. Шмелева «Солнце мертвых» (1923) [15], выполненном Чарльзом Хогартом (1927) [18]. В творчестве Шмелева речевое портретирование занимает центральное место. РП служит инструментом, с помощью которого писатель не только индивидуализирует персонажей, но и передаёт атмосферу эпохи, духовные и культурные ценности русского народа. Шмелев мастерски использует весь арсенал языковых средств для создания живых, запоминающихся и психологически достоверных образов.

Работа выполнена с применением методов контекстологического анализа, описательно-аналитического, сопоставления текста оригинала и его перевода.

### Основные результаты и их обсуждение

В настоящей статье рассматриваются переводческие решения при воссоздании РП двух женских персонажей — няни как представителя простого народа и старой барыни как представителя дворянства. Внимание уделяется как удачным, так и спорным переводческим решениям на фонетическом, лексико-семантическом, синтаксическом и стилистическом уровнях.

#### 3.1. РП человека из народа (няни)

Няня — человек, жизнь которого полна лишений: «одета оборванкой, на ногах дощечки», «лицо испитое, желтое, глаза ввалились». Её речь вполне отражает ее социальный статус и настроение:

— *Леня вчера в Ялте был, слышал. Продовольственный комиссар наш, на машине ехал... хотел с деньгами на родину тикать. Сичас из лесу выходят с ружьями... отчан-ные, не боятся! Ну, конечно, зеленые. Рангелевцы, не признают которые... Стой! Ершов фамилия? Все им известно! Долой слазь!»* (СМ, С. 64). — *Do you know, yesterday a commissar was killed in the Pass! Liala heard the news when she was in Yalta. It was our commissar of supplies. Seemingly he was driving to the mainland with money for the bank when some men with rifles rushed out of the forest. Regular desperate fellows they were — fellows who would stick at nothing. «Greens», maybe. Wrangelites, maybe. But in any case they won't confess who they are. And these man cried to commissar «Halt you» Your name is Ershov isn't it? Oh, they knew all about him».* (SD, P. 48).

Сравнение оригинала и перевода в приведенном примере показывает, что передача на английский язык народной речи представляет значительные сложности для Хогарта. Стремясь сделать речь няни понятной для читателя, переводчик широко пользуется приемом добавления, интерпретируя лаконичную речь персонажа. При этом переводчик отступает от логики речи персонажа в оригинале и допускает смысловые неточности (*Ляля* вместо *Лёня*; *не признают которые* [советскую власть] — *won't confess who they are* [не признаются, кто они такие], с деньгами *на родину тикать* — *driving with money for the bank*). По всей вероятности непонятное для переводчика предложение *Долой слазь! (Get out!)* опускается. Фонетические неправильности нивелируются: *сичас* (в значении «в это время») — опущено, *выходят* — *rushed out*; *отчан-ные* — *desperate fellows*; *рангелевцы* — *Wrangelites* без какой-либо компенсации. Слово *тикать*, относящееся к разряду разговорной сниженной лексики [12] передается литературным глаголом *was driving*; разговорное *слыхал* [12] переводится как *do you know*. Речь няни синтаксически усложняется и получает несвойственную данному персонажу структурную оформленность.

«*Что же это теперь будет?... Хлеб-то сегодня... двенадцать тысяч! да и его-то нету! На базаре ни к чему не приступишься, чисто все облютели!»* (СМ, С. 62). — *What is going to become of us? Bread has risen to 12,000 roubles a pound in the bazaar, and there isn't any at that. Everyone is wasting away* (SD, P. 46).

В оригинале речь няни насыщена эмоциональными восклицаниями, частицами (*же, -то, да, чисто*), которые подчёркивают её волнение и возмущение. Особое внимание следует уделить диалектизму *облютели*, которое в переводе передано как *wasting away* (чахнут), т.е. использован прием модуляции. Между тем, для слова *облютели* (т.е. расвирепели, сделались особенно жестокими, кровожадными [16, С. 19]) можно подобрать стилистический аналог, например, *dog-eat-dog: All turned dog-eat-dog out there!* На первый взгляд представляется, что это не имеет большого значения, так как в целом ситуация отражена адекватно. Однако с точки зрения воспроизведения речевого портрета персонажа и — шире — воссоздания его образа, перевод слова *облютели* значим: *wasting away* указывает на жалость и сочувствие, а *dog-eat-dog* — на возмущение и протест. О справедливости такого предположения свидетельствует и следующий пример:

«*Да ведь о-бидно! Ни во что ведь вышло-то все! Насулили-намурили — берись теперь!»* (СМ, С. 64) — *Then I say that it is a shame. And with nothing to show for it all, either! Look at the things they promised us! Then look at the way in which we still have to fend for ourselves as best we can!* (SD, P. 47)

Негодование няни в отношении новой власти, помимо всего прочего, передается с помощью стилистически сниженного дублета *насулили-намурили* (*насулили* — наобещали [12], *намурили* — наделали глупостей [11]). В переводе данный дублет представлен глаголом *promised*, который не покрывает содержания просторечия и не создает нужного прагматического эффекта (осуждение новой власти). Представляется, что с этой задачей могло бы справиться следующее или похожее выражение: *promised all sorts of things and made a mess*.

Таким образом, перед читателем перевода предстает несколько иной персонаж — менее критически настроенный, более образованный и красноречивый. Хогарт «облагородил» речь няни, лишил ее красочной простонародности и, в значительной мере, бунтарского духа.

### 3.2. РП представителя дворянства (старая барыня)

Старая барыня — соседка повествователя, «попавшая вместе с другими в петлю»; «голос усталый, слабый», при ней чужие — нянькины — дети: Ляля и Вова (Володичка); «рассказывала, бывало, как она жила за границей, училась в Берлине и Париже... в Булонском лесу каталась, стояла перед Венерой и Нотр-Дам». Сейчас «продает последние ложечки и юбки, выменивает на затхлый ячмень и соль». «Каждую ночь дрожит» — придут и отнимут последнее (СМ: с. 34–36).

Ах, Воводичка ... какой ты... Я же тебе сказала... Сейчас лепестков заварим, розовый чай пить будем... (СМ, С. 34). — «Oh, that Volodichka!» someone else exclaims. «What a child he is! Haven't I already said that —? I have said that I have none! But see — I am just going to boil rose-leaves, and make tea, so that—» (SD, P. 24).

В данном примере обращают на себя внимание несколько моментов. Во-первых, в переводе по понятным причинам не передана фонетическая особенность речи персонажа — не выговаривает звук /л/ — вызывающий умиление штрих, сообщающий персонажу нечто детское. Далее, вся речь старой барыни обращена к мальчику и звучит как мягкий упрек. В переводе это, скорее, необращенная жалоба (*Ох уж этот Володичка! Что за ребенок!*)

Отметим далее, что пунктуационно-стилистической доминантой произведения является многоточие. По мнению исследователей, многоточие подчеркивает весомость каждого слова, служит для передачи замедленной речи (взволнованной, прерывистой, затрудненной), для интимизации текста, увеличения его смысловоемкости, передачи эмоциональной напряженности состояния героев. По выражению В.К. Харченко, многоточие — «сигнал глубины» (цит. по [13]). В этой связи замена многоточий восклицательными знаками не представляется оправданной. В рассматриваемом фрагменте вместо растерянности, доброты, мягкости персонажа в оригинале, в переводе появляется нотка раздражения, повелительности. Старая барыня пытается успокоить голодного ребенка, требующего «сала», отвлечь его заманчивым обещанием. Она щадит мальчика, не произносит страшную для него фразу, что сала нет. В переводе эта фраза добавляется (*I have none!*). В оригинале глаголы *заварим*, *пить будем* предполагают некое интересное совместное действие, отвлекающее ребенка от неприятного. В переводе ребенок из этого действия исключается (*I am just going...*).

Ляля, оставь его... И потом, нельзя говорить ... у-хи! У-ши! И как ты выражаешься: насалить! На что это похоже! А я-то еще хотела с тобой по-французски заниматься... (СМ, С. 35). — «Hush, Lialia! Quieter, if you please. And you ought not to say «ushki». You ought to say «ushi»<sup>1</sup> Nor is it nice to talk of «buttering» people. How can you speak like that, and especially when I've told you to speak in French whenever you can?» (SD, P. 24).

<sup>1</sup>ears

В данном примере при переводе просторечной формы множественного числа слова *ухо* (*ухи*) [4] Хогарт прибегает к транскрипции и переводческому комментированию. Представляется, что более удобочитаемым и понятным для читателя был бы вариант с использованием сленгового *lugholes*. Голодный мальчик требует сала, а его сестра, чтобы остановить его, грозит «насалить» ему уши. Поскольку слово «сало» является гастрономической реалией, замена его на *butter* в переводе представляется приемлемой, тем более что контекст требует его употребления и как глагола.

В целом увещательный тон старой барыни передан вполне адекватно с использованием приемов добавления и грамматической замены. Однако в данном контексте присутствует, на наш взгляд, существенное искажение смысла: *А я-то еще хотела с тобой по-французски заниматься...* переводится *I've told you to speak in French whenever you can*. Шмелев подчеркивает, что, несмотря на трудности, старая барыня не сдаётся и даже имеет планы на будущее — заниматься с Лялей французским языком, тогда как, согласно переводу, «нянькины» дети французский язык уже знают. Следует также отметить, что степень эмоциональности речи старой барыни (четыре восклицательных знака в оригинале) в переводе снижена.

Сил моих нету, Го-споди... Ляля, да возьми от меня Воводю! Няня сейчас придёт... Ну, дай ему грушку погрызть, что ли... И когда только эта мука кончится!... (СМ, Р. 38) — (Перевод отсутствует).

Конец главы «Виноградная балка», из которой взяты вышеприведенные примеры речи старой барыни, в переводе существенно преобразован: опущены все диалоги, отражающие томительную тяготу жизни, сохранены только размышления повествователя. Это говорит, на наш взгляд, о недопустимой вольности переводчика, в том числе, и в отношении воссоздания РП персонажей. Старая барыня, не имеющая чем покормить голодных (чужих!) детей, находится на грани отчаяния, о чем свидетельствует риторическое обращение *Сил моих нету, Го-споди...* и риторическое восклицание *И когда только эта мука кончится!...*

Таким образом, наблюдения показывают, что, несмотря на ряд удачных переводческих решений, речевой портрет персонажа старая барыня в переводе неполон и искажен в фонетическом, синтаксическом и содержательном плане. В результате в переводе персонаж предстает как более прагматичная, «жесткая» и понятная личность, чем в оригинале.

### Заключение

В заключение отметим, что полноценное воссоздание речевого портрета персонажа в переводе художественного произведения является непростой задачей. Как показали сделанные нами наблюдения, в переводе Хогарта отмечаются потери на фонетическом, лексическом, синтаксическом и стилистическом уровнях, что препятствует полноценной передаче социальных и личностных характеристик женских персонажей лирической эпопеи «Солнце мертвых».

Отмечены также неоправданные опущения и искажения содержания речи персонажей. Это свидетельствует о том, что РП персонажей оригинала и перевода не являются эквивалентными: РП няни обгорожен и, в значительной мере, лишен просторечного колорита; речевой портрет старой барыни не в полной мере отражает ее происхождение, характер, отношение к людям и трудным жизненным обстоятельствам. Некоторую небрежность Хогарта в отношении воссоздания РП персонажей возможно объяснить как его недостаточным знанием живого народного русского языка, так и сознательной прагматической адаптацией текста перевода, обусловленной стремлением сделать текст более понятным и удобовоспринимаемым для читателя-представителя иной культуры.

### Конфликт интересов

Не указан.

### Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

### Conflict of Interest

None declared.

### Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

### Список литературы / References

1. Борисенко Ю.А. Особенности передачи идиостиля автора подростковой литературы при переводе (на материале романа S. Chbosky «The Perks of Being a Wallflower») / Ю.А. Борисенко // Многоязычие в образовательном пространстве. — 2021. — № 13. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-peredachi-idiostilya-avtora-podrostkovoy-literatury-pri-perevode-na-materiale-romana-s-chbosky-the-perks-of-being-a> (дата обращения: 24.06.25).
2. Бугрышева Д.В. Речевое портретирование публичной языковой личности: монография / Д.В. Бугрышева. — Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2018. — URL: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/9644/2/Bugrysheva.pdf> (дата обращения: 24.06.25).
3. Караулов Ю.Н. Языковая личность: теория и практика исследования / Ю.Н. Караулов. — Москва : Языки славянской культуры, 2010. — 234 с.
4. Китайгородская М.В. Языковая личность и речевой портрет / М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова. — Москва : Наука, 1995. — 192 с.
5. Ларцева Е.В. Речевой портрет персонажей в романе Н. Хорнби «A Long Way Down» и особенности его воспроизведения при переводе на русский язык / Е.В. Ларцева, А.Д. Шумейко. — Пермь : Мировая литература в контексте культуры, 2023. — 17 с.
6. Матвеева Г.Г. Индивидуальный стиль и речевой портрет / Г.Г. Матвеева. — Москва : Вопросы языкознания, 1998. — 238 с.
7. Панов М.В. История русского литературного произношения VIII XIX вв. / М.В. Панов. — Москва : Наука, 1990. — 453 с.
8. Чуковский К.И. Высокое искусство. Принципы художественного перевода / К.И. Чуковский. — Санкт-Петербург : Азбука, 2017. — 276 с.
9. Bauman R. Explorations in the Ethnography of Speaking / R. Bauman, J.F. Sherzer. — England : Cambridge University Press, 2004. — 134 p.
10. Halliday M.A. Language as Social Semiotic / M.A. Halliday. — London : Edward Arnold, 1978. — 256 p.
11. Shmelev I.S. The Sun of the Dead / I.S. Shmelev // Neoclassic. — 1927. — № 2. — URL: <http://archive.org/details/the-sun-of-the-dead/page/n1/mode/2up> (accessed: 20.06.25).

### Список литературы на английском языке / References in English

1. Borisenko Yu.A. Osobennosti peredachi idiosilya avtora podrostkovoi literatury pri perevode (na materiale romana S. Chbosky "The Perks of Being a Wallflower") [Features of conveying the idiolect of a teen literature author in translation (based on S. Chbosky's novel "The Perks of Being a Wallflower")] / Yu.A. Borisenko // Mnogoyazychie v obrazovatel'nom prostranstve [Multilingualism in the educational space]. — 2021. — № 13. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-peredachi-idiostilya-avtora-podrostkovoy-literatury-pri-perevode-na-materiale-romana-s-chbosky-the-perks-of-being-a> (accessed: 24.06.25). [in Russian]
2. Bugrysheva D.V. Rechevoe portretirovanie publichnoi yazikovoi lichnosti: monografiya [Speech Portraying a Public Linguistic Personality: monograph] / D.V. Bugrysheva. — Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2018. — URL: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/9644/2/Bugrysheva.pdf> (accessed: 24.06.25). [in Russian]
3. Karaulov Yu.N. Yazikovaya lichnost: teoriya i praktika issledovaniya [Language personality: theory and practice of research] / Yu.N. Karaulov. — Moscow : Yaziki slavyanskoi kultury, 2010. — 234 p. [in Russian]
4. Kitaigorodskaya M.V. Yazikovaya lichnost i rechevoi portret [Language personality and speech portrait] / M.V. Kitaigorodskaya, N.N. Rozanova. — Moscow : Nauka, 1995. — 192 p. [in Russian]
5. Lartseva E.V. Rechevoi portret personazhei v romane N. Khornbi "A Long Way Down" i osobennosti yego vosproizvedeniya pri perevode na russkii yazik [The speech patterns of characters in N. Hornby's novel "A Long Way Down" and the specifics of their reproduction in Russian translation] / E.V. Lartseva, A.D. Shumeiko. — Perm : Mirovaya literatura v kontekste kultury, 2023. — 17 p. [in Russian]
6. Matveeva G.G. Individualnii stil i rechevoi portret [Individual style and speech portrait] / G.G. Matveeva. — Moscow : Voprosi yazikoznaniya, 1998. — 238 p. [in Russian]

7. Panov M.V. Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya VIII XIX vv. [The History of Russian Literary Pronunciation in the VIII-XIX Centuries] / M.V. Panov. — Moscow : Nauka, 1990. — 453 p. [in Russian]
8. Chukovsky K.I. Visokoe iskusstvo. Printsipi khudozhestvennogo perevoda [Higher art. Principles of literary translation] / K.I. Chukovsky. — Saint Petersburg : Azbuka, 2017. — 276 p. [in Russian]
9. Bauman R. Explorations in the Ethnography of Speaking / R. Bauman, J.F. Sherzer. — England : Cambridge University Press, 2004. — 134 p.
10. Halliday M.A. Language as Social Semiotic / M.A. Halliday. — London : Edward Arnold, 1978. — 256 p.
11. Shmelev I.S. The Sun of the Dead / I.S. Shmelev // Neoclassic. — 1927. — № 2. — URL: <https://archive.org/details/the-sun-of-the-dead/page/n1/mode/2up> (accessed: 20.06.25).